

Черная карета ехала по оживленной улице, цоканье копыт непрерывно слышалось с обеих сторон улиц. Карета остановилась на мгновение, потом продолжила ехать. Они периодически останавливались и продолжали движение некоторое время, так как дорога была слишком многолюдной.

Самочувствие Лу И, казалось, улучшилось после того, как она отдохнула несколько дней. Она даже осторожно приподняла угол висячей ширмы, так как ей было немного любопытно посмотреть, что творится снаружи. Мужун Шу Цин тоже выглянула в окно, это уже должна была быть официальная окружная дорога в Чэнду. Город был не очень большим, но географическое положение было хорошим, поэтому он был окружен маленькими деревеньками, жители которых часто приезжали закупиться на местных рынках.

По обеим сторонам дороги располагались дома из зеленовато-черного кирпича, а у обочины стояло множество лавок, принадлежащих небольшим семьям. Здесь можно было купить всё, что угодно, и люди с интересом рассматривали товары. Весь этот шум и гам на удивление создавал благоприятную и мирную атмосферу.

Лу И посмотрела на цветные фонари, развешанные снаружи. Лица людей сияли теплыми улыбками, так как они не могли не поддаться влиянию такого рода праздника? «Барышня, почему здесь так оживленно?» - с улыбкой спросила она.

- Ах, сегодня же праздник зимнего солнцестояния! - с воодушевлением ответила Цзы Юань. Она опустила специальную бамбуковую занавеску, чтобы холодный ветер не дул прямо внутрь кареты, а они могли наблюдать за происходящим за окном.

«Фестиваль зимнего солнцестояния? - Мужун Шу Цин мягко вздохнула. - Прошел еще один год?» Почти незаметно пролетели уже четыре года. По обыкновению поглаживая браслет, который был у нее на запястье, Мужун Шу Цин не могла не гадать, будет ли у нее возможность вернуться. Силуэты отца, матери и двух ее старших братьев все еще бережно сохранялись в ее сознании, но они казались такими далекими, будто их никогда нельзя будет коснуться.

- Барышня, мы приехали, - нежный оклик Цзы Юань заставил Мужун Шу Цин прийти в себя. Карета уже остановилась, поэтому Мужун Шу Цин кивнула головой и вышла наружу.

Ее взгляду предстал небольшой дворик со строениями из темно-зеленого кирпича. Перед воротами уже стояло более дюжины человек, все они почтительно ждали ее, ведь здесь располагались заведения семьи Мужун. В этом месте было несколько магазинов вышитой одежды, а также чайный домик. В то время она думала, что это место находится на главной дороге и будет хорошо проходимым, поэтому она разместила здесь несколько предприятий, но сама еще ни разу здесь не была.

В этот момент мужчина, одетый в обычную одежду и стоявший перед группой людей, подошел поприветствовать их. Он был хорошо сложен, и на вид ему было чуть больше тридцати лет. Он чрезвычайно почтительно поприветствовал Мужун Шу Цин и сказал громким и ясным голосом: «Сяоцзе, комнаты уже приготовлены должным образом. После того, как вы немного отдохнете,

мы накроем на стол».

- М-м-м... - Мужун Шу Цин с улыбкой кивнула головой и последовала за ним, чтобы войти. В то время, когда этот мужчина стал ее кучером, он тоже был одет в простую одежду и говорил зычным звонким голосом. Прошло три года, а он совсем не изменился. Но она слышала, что он женился два года назад, и думала, что он больше не будет таким чурбаном, как прежде. Выходит, она ошиблась.

Как только группа людей закончила приводить себя в порядок, украшенные фонари уже были зажжены.

Когда Мужун Шу Цин, Лу И и Цзы Юань вошли в столовую, Мо Цань уже сидел там. Его холодные глаза смотрели на зарево заката, которое поглотила тьма. Отчужденное и невыразительное лицо Мо Цаня вызывало в душе местных слуг странный трепет и, не зная, как реагировать, они просто встали подальше.

После того, как гости расселись, быстро принесли блюда. Хотя еда была приготовлена на домашней кухне, она была очень вкусной и изысканной. Мужун Шу Цин посмотрела на Чжоу Цзина, который опустил голову и вежливо стоял рядом, и с улыбкой сказала: «Чжоу Цзин, позволь твоей жене и детям прийти и поесть вместе с нами».

Чжоу Цзин быстро покачал головой и сказал: «Это неприемлемо».

Этот Чжоу Цзин был хорош во всем, но был довольно твердолобым, поэтому Мужун Шу Цин, всё ещё мягко улыбаясь, повторила: «Чем больше людей соберется, чтобы отпраздновать фестиваль, тем веселее будет».

- Это... - Чжоу Цзин явно чувствовал себя неловко, но все еще не двигался с места.

Лу И знала, что его беспокоит, иерархии хозяина и слуги в древности подчинялись беспрекословно. Их положение было слишком разным. Некоторые хозяева, например, едва позволяли слугам говорить в своём присутствии, не говоря уже о том, чтобы есть еду за одним столом. Но барышня отказалась от этого правила, и Лу И потребовалось три года, чтобы постепенно приспособиться к этому.

- Ну же, управляющий Чжоу, - с улыбкой попыталась убедить его Лу И, - не нужно церемоний. Барышня далеко от дома, поэтому просто позвольте своей жене сопровождать ее.

Чжоу Цзин нахмурил брови и по-прежнему не двигался. Подумав немного, он беспомощно молвил: «Но, моя жена, она...»

- Никаких «но». Я слышала о ней, но ни разу не видела. Так как я здесь, я, конечно, хочу встретиться с ней. Я проголодалась, иди скорее! - Мужун Шу Цин с улыбкой прервала его

следующие слова. Она слышала о его жене, которая была известной куртизанкой в городе Чэнду. Чжоу Цзину пришлось сделать всё возможное и невозможное, чтобы выкупить ее, а после он женился на ней, как на своей главной жене. По нынешним меркам, было бы шуткой, если бы кто-то женился на проститутке в качестве главной жены. Для так называемых благородных семей это можно было считать попранием их семейных принципов. В результате многие люди убеждали его отказаться от этой свадьбы, поскольку он являлся управляющим магазина семьи Мужун. Ведь для такой женщины стать его наложницей уже было бы большой удачей.

Но характер этого Чжоу Цзина был действительно упрямым, потому что он просто проигнорировал все возражения людей и взял её в жены. По этой причине ему всё ещё пеняли за этот проступок. В то время какой-то человек пришел к Мужун Шу Цин с докладом и попросил ее предотвратить «упорство Чжоу Цзина в том, чтобы идти неправильным путем». Она не могла понять, смеяться ей или плакать в тот момент.

Всё же Мужун Шу Цин не сказала, была ли она за или против этого. Если Чжоу Цзин не мог выносить сплетен, для этой женщины стало бы благословением не выходить за него замуж. Если же его сердце было подобно камню, ему не нужно было беспокоиться о людской молве.

«Хорошо», - Чжоу Цзин, наконец, кивнул головой и вышел на задний двор. Женидьба на Му'эр была самым большим счастьем в его жизни. Причина, по которой он не позволил ей выйти на встречу с барышней, заключалась в том, что Мужун Шу Цин была дочерью благородной семьи, и он не хотел, чтобы её винили понапрасну. Поскольку барышня не была обычным человеком, он, Чжоу Цзин, надеялся, что люди во всем мире будут знать, что Му'эр достойна своего положения.

Мгновение спустя появился Чжоу Цзин с ребенком на руках, который все еще был плотно завернут в одеяло, а за ним следовала женщина, одетая в простое платье желтого цвета. Ее фигура была миниатюрной, но это лишь прибавляло ей изысканности и нежности. Войдя в зал, женщина грациозной походкой подошла к Мужун Шу Цин и опустилась на колени, приветствуя ее: «Цзин Му выражает барышне своё почтение».

Мужун Шу Цин встала и поддержала ее, с улыбкой сказав: «Не нужно быть слишком вежливой». Она боялась, что никогда не привыкнет к этому подобострастному этикету.

Женщина, наконец, подняла голову, и Мужун Шу Цин посмотрела на нее. Она действительно была красивой, хотя нельзя было сказать, что она прекрасна настолько, что способна покорять города и разрушить государство. Но этих изящных манер, блестящей и утонченной внешности и естественной осанки уже было достаточно, чтобы называть ее настоящей красавицей.

Эта группа людей едва успела сесть, когда Лу И посмотрела на ребенка в объятиях Чжоу Цзина и похвалила: «Ах, малышка такая милая! Сестрица Цзы Юань, только погляди на неё». Ей не терпелось поддержать малышку на руках.

Черты лица этого дитя были нежными, ее кожа была сверкающей и прозрачной, и она мило

улыбалась в объятиях Лу И, будто вовсе не опасаясь незнакомцев. Цзы Юань тоже она пришла по душе и, играя с ее маленькой ручкой, она с улыбкой спросила: «Управляющий Чжоу, как ее зовут, а?»

- Я еще не выбрал имя, - Чжоу Цзин беспомощно покачал головой. Он потерял своих родителей с юных лет, у Му'эр тоже не было ни отца, ни матери. Он не был сведущ в словах и был всего лишь грубым человеком. Му'эр даже сказала, что имя должен дать он, как глава семьи. Он боялся, что совершит ошибку, назвав этого ребенка, поэтому до сих пор не решился дать ей имя. Взглянув на Мужун Шу Цин, которая приятно улыбалась, любясь малышкой, Чжоу Цзин сложил ладони перед грудью и искренне сказал: «Чжоу Цзин ведет себя дерзко, но я прошу Сяоцзе дать ей имя». Барышня была образованным и способным человеком, было бы лучше, если бы она дала имя ребенку.

«Я?» - Мужун Шу Цин беспомощно уставилась на него. Как она могла выбрать ей имя? Но все с нетерпением смотрели на нее, так что Мужун Шу Цин не знала, как правильно отказаться. А глядя в простые и честные глаза Чжоу Цзина, она и вовсе не могла сказать этого. «Была - не была!» - подумала Мужун Шу Цин и кивнула головой, соглашаясь.

Глядя на хорошенькую и смышленную малышку, которая снова была на руках у Лу И, она размышляла: какое имя ей подходило? Надеясь, что она сможет вечно сохранять эту тишину и красоту, Мужун Шу Цин, наконец, сказала с легкой улыбкой: «Назови ее Жо Шуй [1]».

[1] Имя ребенка произошло от выражения Шан Сань Жо Шуй - это термин даосизма, который переводится, как «высшая добродетель подобна воде».

Отрывок из главной книги даосизма «Дао Дэ Цзинь» Лао-цзы, наиболее полно объясняющий это выражение: «Вода приносит пользу всем существам и не борется с ними... Вода - источник жизни. Таким же образом добродетель питает отношения людей: она основа взаимодействия, исходит потоком, проникает в сердца и передается другим. Человек в хорошем настроении поднимет его еще нескольким, а те другим. Так добродетель питает сердца и становится для общества водой, которая рождает жизнь».

Цзин Му, которая все это время молчала, внезапно радостно воскликнула: «Разве лучшее качество человека - не быть похожим на воду?! Хорошее имя». Муж всегда говорил ей, что эта Мужун Сяоцзе очень способная и выдающаяся. Когда она впервые увидела ее сегодня, она показала ей приятной и спокойной женщиной, впрочем, обладающей довольно обычной внешностью. Кроме этой рассудительности и спокойствия, она не заметила в ней никаких особых черт характера. Но поскольку она смогла подумать о выборе имени, вспомнив выражение «лучшее качество человека - быть похожим на воду», она определенно была умным человеком, и ее характер, безусловно, был жестче, чем у любого другого.

Мужун Шу Цин тоже не думала, что жена Чжоу Цзина поймет, что означает это имя. Неудивительно, что двое недавно состоявшихся знакомых улыбнулись, почувствовав себя счастливыми из-за молчаливого взаимопонимания.

«Жене тоже нравится это имя! Тогда мы просто назовем ее так!» - это было самое счастливое время для Чжоу Цзина. Имя, которое выбрала барышня, было очень редким, и Му'эр тоже согласилась - что могло быть лучше? Если бы барышня не приехала к ним сегодня, он не знал, когда смог бы придумать имя для его ребенка. Поскольку все пребывали в восторге, еда также была съедена с удовольствием. Чжоу Цзин вдруг вспомнил, что сегодня праздник зимнего солнцестояния, и людей ждут традиционные народные представления и украшенные фонарями улицы, поэтому предложил: «Сяоцзе, сегодня вечером празднуют фестиваль фонарей, будет очень оживленно, вы пойдёте?»

Фестиваль фонарей? На котором всё веселье заключалось в том, чтобы запустить несколько маленьких фонариков в обществе большой кучи людей? Мужун Шу Цин уже хотела отказаться, но посмотрела на Лу И и Цзы Юань, чьи глаза радостно сияли. Мужун Шу Цин не могла не рассмеяться. Как она могла забыть, что в эту эпоху не было никаких развлечений, особенно для женщин, поскольку они не могли пойти в бордель. Этот фестиваль фонарей и некоторые храмовые ярмарки были редким развлечением для них в это время. Здоровье Лу И заметно улучшилось, так что она отпустит их сегодня вечером.

«Хорошо, мы пойдем после того, как поедем», - сказала Мужун Шу Цин. Глядя на Мо Цаня, который как обычно выглядел холодным и ничего не говорил, Мужун Шу Цин едва заметно улыбнулась уголком рта и сказала: «Мо Цань, ты тоже пойдёшь с нами».

Рука Мо Цаня, державшая палочки для еды, на мгновение замерла, а потом он едва заметно кивнул головой. Он действительно ненавидел места, где собиралось много людей, но если он не последует за ней, то потом не будет находить себе места. Что же с ним такое?

<http://tl.rulate.ru/book/11038/1638803>